

1581—1981
400-летию вхождения Сибири
в состав государства Российского
посвящается

Российское могущество прирастать будет
Сибирью и Северным океаном.

М. В. Ломоносов

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XXIV

СТРАНЫ И НАРОДЫ
БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982

Б. А. Вальская

**ПЛАВАНИЕ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
НА КОРВЕТЕ «СКОБЕЛЕВ» В 1883 г.**

Южная часть Тихого океана была исследована значительно позднее других частей света. «Только к концу XIX столетия,— писал В. А. Бриллиант,— были стерты белые пятна на картах этой части света» [7, с. 196]. Выдающийся подвиг в области географических открытий на Тихом океане совершил великий русский путешественник и гуманист Н. Н. Миклухо-Маклай.

В 1971 г. в сборнике «Страны и народы Востока» были впервые опубликованы рапорты контр-адмирала Н. В. Копытова и капитан-лейтенанта В. В. Благодарева о плавании корвета «Скобелев» на Берег Маклая в 1883 г., представляющие большой интерес для истории исследования южной части Тихого океана (см. [11]).

19 сентября 1871 г. корвет «Витязь»¹ высадил на неведомом северо-восточном берегу Новой Гвинеи его первого исследователя — 25-летнего Н. Н. Миклухо-Маклая, который прожил там 15 месяцев. 24 декабря 1872 г. клипер «Изумруд» снял отважного путешественника с Берега Маклая и доставил его в Батавию (Джакарту).

Во время короткого пребывания на Новой Гвинее офицеры корвета «Витязь» Бензема, П. А. Кошелев, А. А. Коптев, П. А. Берхман, К. Д. Рончевский и З. П. Рождественский под руководством командира корвета «Витязь», капитана II ранга П. Н. Назимова произвели опись залива Астролябия и бухты Порт-Константин. Копия неопубликованной карты, составленной русскими моряками, сохранилась в Архиве Географического общества СССР [2, РУК-406].

А. Б. Асланбеков в статье «Первое путешествие Н. Н. Миклухо-Маклая в Новую Гвинею», написанной по неизданным запискам П. Н. Назимова, сообщает, что в 1871 г. «берега Новой Гвинеи на судовых английских картах были обозначены в некоторых местах пунктиром, то есть решительно никем не были исследованы и сняты, и потому двигаться вдоль них надо было

¹ 27 июня 1882 г. корвет «Витязь» был переименован в «Скобелев».

с большой осторожностью, занося их очертания на карту» [6].

Офицеры корвета «Скобелев» продолжили опись берегов Новой Гвинеи, начатую командой корвета «Витязь». В 1883 г. был снят план бухты Порт-Алексей. Результаты картографических работ на «Скобелеве» и «Витязе» были опубликованы в 1885 г. [43; 44]. На карте Северо-Восточной Новой Гвинеи появилось свыше пятидесяти русских географических названий [12], три из них — Берег Маклая, проливы Изумруд и Витязь — можно найти и на современных картах этого острова. Моряки корвета «Скобелев» произвели опись и других островов Тихого океана. На корвете «Скобелев» Миклухо-Маклай в третий и последний раз посетил в 1883 г. Берег Маклая.

В дополнение к рапортам Копытова и Благодарева мы публикуем новые материалы о Миклухо-Маклае, связанные с возвращением в 1882 г. в Россию из Австралии и плаванием на корвете «Скобелев», относящиеся к наименее изученному периоду его жизни.

В последние годы своей жизни Н. Н. Миклухо-Маклай много сил и энергии отдавал неустанной борьбе за свободу и независимость угнетенных народов Океании. В январе 1879 г. в связи с угрозой захвата северо-восточной части Новой Гвинеи австралийскими колониями Великобритании Миклухо-Маклай отправил открытое письмо Артуру Гордону — губернатору Фиджи и британскому комиссару Западной части Тихого океана. В этом письме Миклухо-Маклай просил, чтобы британское правительство признало за папуасами «полное право на землю и запретило ввоз спиртных напитков, огнестрельного оружия и пороха».

Посылая копию письма вице-председателю Географического общества П. П. Семенову, Миклухо-Маклай писал: «Знаю, что мой протест (или, вернее, напоминание о существовании прав слабых) остается пока гласом вопиющего в пустыне, но тем не менее надеюсь, что он встретит сочувствие между теми, для которых „справедливость“ и „права человека“ не есть единственно пустые слова» [39, с. 180—181].

Во втором письме к Гордону, написанному в связи с подготовкой в Новой Зеландии в феврале 1881 г. экспедиции на Новую Гвинею для колонизации Берега Маклая, русский путешественник вновь напомнил Гордону о бесспорных правах туземцев на землю, о том, что «эта часть страны густо заселена и что земля принадлежит различным общинам, занятым возделыванием почвы, обрабатывающейся в течение столетий» [28, с. 194]. Миклухо-Маклай повторил свою просьбу об уважении прав папуасов.

Из материалов Архива Академии наук СССР видно, что первое письмо Миклухо-Маклая Гордон переслал в Лондон, сопроводив его своими комментариями. Выражая полное сочувствие идеям, высказанным Миклухо-Маклаем об ува-

жении прав туземцев на землю и недопущении ввоза спиртных напитков. Гордон предлагал сообщить русскому путешественнику, что, поскольку правительство ее величества не обладает суверенитетом над Новой Гвинеей, оно не может «налагать обязательств на подданных других наций», которые могут туда направиться (см. [15, с. 300]).

В апреле 1881 г. Миклухо-Маклай послал коммодору Австралийской морской станции Уилсону свой протест по поводу вывоза рабов «в Новую Каледонию, Фиджи, Самоа, Квинсленд и другие места посредством похищения и увоза туземцев под прикрытием фальшивых утверждений и лживых обещаний» [32, с. 192—193].

Через четыре месяца, узнав, что Уилсон намерен учинить расправу над жителями деревни Кало, на южном берегу Новой Гвинеи, где было убито несколько местных миссионеров, Миклухо-Маклай уговорил Уилсона отказаться от сожжения деревни и поголовного истребления ее жителей, а наказать только виновных. Вместе с Уилсоном Миклухо-Маклай отправился на шхуне «Вульверин» на южный берег Новой Гвинеи и спас папуасов деревни Кало от расправы.

Летом 1881 г. Миклухо-Маклай обратился с письмом к профессору государственного права, доктору И. К. Блунчли, лекции которого он слушал в Гейдельбергском университете еще в 1864—1865 гг. Блунчли был инициатором организации Международного института для разработки вопросов урегулирования споров между государствами при содействии Международного трибунала. Русский путешественник писал, что, «занимаясь научными исследованиями на островах Океании уже около 10 лет», он «познакомился не только со многими сторонами жизни туземцев, но и проявил живой интерес к судьбе этих народностей...» [31, с. 200].

Миклухо-Маклай просил И. К. Блунчли указать ему возможность для эффективной защиты прав туземцев в международном масштабе, например путем выработки правил, признанных «всеми европейскими и американскими силами и за нарушение которых военный корабль какой-либо державы, поставленный в известность пострадавшими, независимо от национальности нарушителя и флага, под которым он плавает, мог бы привлечь его к ответственности» [31, с. 200].

Миклухо-Маклай хотел через посредство Международного института обратить внимание всех правительств на печальное положение населения островов Океании, где существовало узаконенное рабство под безобидным названием «торговли свободным трудом». Письмо Миклухо-Маклая вернулось обратно, уже не застав Блунчли в живых (последний скончался 21 октября 1881 г.).

В ноябре 1881 г. Миклухо-Маклай написал Уилсону о своем намерении вернуться на Новую Гвинею для осуществления со-

ставленного им проекта развития Берега Маклая. Проект предусматривал создание органов самоуправления на основе использования существующих обычаев папуасов; речь шла о Большом совете из наиболее влиятельных стариков в деревнях. Миклухо-Маклай соглашался принять на себя должность советника и представлять папуасов при сношениях с иностранными государствами. Проект предусматривал сооружение дорог, мостов, развитие плантационного хозяйства, а также школ.

Австралийский писатель Франк Сидней Гриноп, впервые опубликовавший содержание этого документа еще в 1944 г. в своей книге о Миклухо-Маклае («О том, кто странствовал в одиночку»), правильно писал, что проект — «часть размышлений Маклая на тему, наиболее близкую его сердцу, и важное отражение его собственных социальных теорий и общего хода его мыслей» [47, с. 261].

Гриноп не знал, что осенью 1882 г., находясь в Европе, Миклухо-Маклай предпринял шаги для осуществления своего проекта, и это дало ему (Гринопу) основание написать, что среди «тщательным образом просмотренных» им материалов он не нашел «никаких нитей, которые связывали бы этот проект с какими-либо... поступками» русского путешественника [47, с. 261].

В январе 1882 г., воспользовавшись приходом в Мельбурн русской эскадры под командованием контр-адмирала А. Б. Асланбегова, Миклухо-Маклай, имея разрешение морского министерства вернуться на родину на одном из военных кораблей, решил воспользоваться им и отправиться в Россию. 19 января 1882 г. Асланбегов писал в рапорте: «По получении разрешения взять на эскадру г. Миклухо-Маклая оно было ему сообщено, причем он просил принять его в Мельбурне и оставить в Сингапуре, что и будет своевременно исполнено» [3, ф. 410, оп. 2, № 4063, л. 467]. В письме от 24 января 1882 г. Миклухо-Маклай сообщал великому князю Николаю Михайловичу с клипера «Вестник» в Индийском океане, на пути из Австралии на Яву, что, так как «Вестник» не идет в Россию, он доедет на нем до Батавии, где рассчитывал пересечь на крейсер «Азия». Миклухо-Маклай писал о своем решении подготовить в Сиднее отчет о своих 11-летних странствованиях по островам Тихого океана. «Надеюсь,— писал он,— что Русское географическое общество найдет мое решение закончить мои труды в Австралии, вблизи поля моих научных исследований, и в климате, более соответствующем моему настоящему здоровью, совершенно естественным» [4, ф. 670, оп. 1, № 336, л. 1]. Таковы были планы нашего знаменитого путешественника.

На «Вестнике» Миклухо-Маклай прибыл в Сингапур, где 18 апреля 1882 г. пересел на крейсер «Азия». Командир крейсера капитан-лейтенант Ф. И. Амосов писал: «С разрешения контр-адмирала Асланбегова, перед отправлением отсюда, принят на вверенный мне крейсер, для переезда в Россию извест-

ный наш русский путешественник Миклухо-Маклай» [3, ф. 410, оп. 2, № 4063, л. 538].

17 июня 1882 г. крейсер «Азия» прибыл в Александрию, где в то время национально-освободительная борьба закончилась поражением египтян и оккупацией страны англичанами. В письме к брату Михаилу 17 июня 1882 г. Миклухо-Маклай писал, что отъезд из Александрии затягивается, так как «по приказанию морского министра „Азия“ пришла сюда и находится на время волнений в Египте в распоряжении русского генерального консула, который, кажется, не думает отпустить нас скоро». 11 июля англичане начали бомбардировку Александрии, вызвавшую пожар. 28 июля Миклухо-Маклай перебрался на корабль «Петр Великий», на котором и прибыл в Кронштадт в конце августа 1882 г.

Миклухо-Маклай приехал в Россию через полтора года после событий 1 марта 1881 г., когда народовольцы казнили Александра II и на престол в состоянии полной растерянности вступил Александр III; в стране начался период реакции.

Приезд путешественника в Петербург был восторженно встречен учащейся молодежью. Студенты физико-математического факультета Петербургского университета в адресе, направленном Миклухо-Маклаю, писали: «Немного у нас таких отважных исследователей, которые так высоко держали бы знамя человечности и науки на поприще международных исследований» [5].

29 сентября (11 октября) 1882 г. перед выступлением в Географическом обществе Миклухо-Маклая посетил корреспондент газеты «Новости». «Одного взгляда на путешественника,— писал он,— довольно было, чтобы заключить, что предо мной находится хотя молодой годами, но рано состарившийся, разбитый болезнью организм... Лицо его... носило на себе отпечаток испытанного горя, страданий и других неудач жизни... Не было сомнения, что и худые щеки, и тусклый взор, и впалая грудь, и едва слышный голос, и частое хватание за бок достались путешественнику как вечные, неудалимые знаки, которые наложили на него испытанные им лишения и болезни».

В беседе с корреспондентом Николай Николаевич сказал, что он, «вернувшись не более как на месяц в Россию... счел нравственным долгом обратиться к посредничеству Географического общества» и рассказать, что он сделал за 12 лет своих путешествий. «Не ради простой любознательности,— сказал он,— я покинул дорогую для меня Россию. Я желал быть чем-нибудь полезным и обществу, и науке, я выбрал для своих исследований страну, мало известную, и пусть судит публика... насколько интересны и новы для нее и для науки мои исследования и наблюдения. Поверьте, они не легко давались мне...»

Миклухо-Маклай был озабочен тем, что у него не было средств за свой счет опубликовать труды о своих путешествиях.

Он задолжал одному купцу 500 ф. ст., а за 12 лет эта сумма с процентами возросла до 1200 ф. ст. «Как честный человек,— сказал он корреспонденту,— я должен уплатить свой долг. На эту уплату я и ассигную сумму, в которую ценю свое будущее сочинение. Если русское правительство согласится на мои условия, я попрошу его также обеспечить меня еще на два года, которые я посвящу обработке моих заметок, приведением их в систему и т. д. Иначе мне придется для добывания средств к жизни вновь заниматься медицинской практикой... Вы знаете, конечно, что в борьбе с нуждой трудно работается...» [13].

С 11 до 21 октября (н. ст.) 1882 г. состоялось восемь выступлений Миклухо-Маклая (с демонстрацией рисунков) в Географическом обществе и в зале Технического общества (в Соляном городке), которые широко освещались в печати [20].

13(25) октября 1882 г. Совет Географического общества принял решение обратиться к министру финансов с просьбой уплатить долги путешественника и предоставить ему возможность в течение двух лет подготовить к печати отчет о своих путешествиях. В ноябре 1882 г. министр финансов Н. Х. Бунге сообщил П. П. Семенову, что просьба Совета Общества: «1. О разрешении путешественнику Миклухо-Маклаю двухлетнего пребывания в Сиднее; 2. О выдаче ему на этот период субсидии в размере 400 фунтов стерлингов ежегодно, а всего 800 фунтов и 3. Об уплате долга его в размере 1400 фунтов стерлингов» удовлетворена [2, ф. 1, оп. 1, 1869 г., № 19, л. 191].

15(27) октября Миклухо-Маклай выступил с докладом на заседании Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве. В то время Общество возглавлял известный геолог Г. Е. Щуровский, а членами Совета были О. А. Федченко, А. П. Богданов и другие выдающиеся ученые. На заседании Миклухо-Маклаю была вручена Золотая медаль. В постановлении о присуждении медали указывалось, что Совет Общества приветствовал ученого «с завершением его тяжелых и продолжительных трудов по этнологическому исследованию папуасов и малайцев» и выражал «уважение к его энергии и самопожертвованию, столь ярко выявившимся во всех его путешествиях».

Выдающийся подвиг русского путешественника был отмечен не только учеными, но и простыми людьми. Крестьянин из села Мегрино Новгородской губернии И. А. Киселев писал Миклухо-Маклаю, что его «добровольное самопожертвование в пользу науки невольно удивляет мыслящее человечество...». Киселев просил у Николая Николаевича «доброго совета» о возможности переселения на острова Тихого океана, чтобы навсегда покинуть Европу, где «рядом с умножающейся блестящей роскошью торговых городов быстро растет поражающая нищета, пока приютившаяся в захолустьях провинции». Киселев спрашивал Миклухо-Маклая, «возможна ли жизнь без денег на

известных нам островах? Может ли там бедняк-европеец, снискивая себе пропитание, совершенствоваться и развиваться, довольствуясь уже достаточно выработанными наукой современными познаниями...» [1, ф. 143, оп. 1, № 21, л. 16].

После письма Киселева у Миклухо-Маклая еще больше окрепла мысль об организации на островах Тихого океана русской вольной колонии, в которой на демократической основе, без помещиков и капиталистов, соединились бы интересы переселенцев и туземцев.

Осенью 1882 г. Миклухо-Маклай получил письмо от члена Королевского географического общества в Лондоне Е. С. Томассена, который в этом же году опубликовал отдельным изданием краткую биографию Миклухо-Маклая в виде небольшого очерка о путешествиях Николая Николаевича, его борьбе за права папуасов и организацию первой в Южном полушарии Морской биологической станции в Сиднее. Книгу о русском путешественнике [48] Томассен сразу переслал в Лондон. «Королевское географическое общество,— писал он Миклухо-Маклаю,— с удовольствием получило Ваш биографический очерк. Он был получен как раз, когда о Вас потребовались сведения: лорд Абердейн спрашивал о Вас» [1, ф. 143, оп. 1, № 41, л. 1].

В этом же письме Томассен советовал русскому путешественнику встретиться в Англии с богатыми почтенными людьми — Альфредом Ибботсоном и Мак Кинноном, которые могли пожертвовать деньги на осуществление проекта развития Берега Маклая. «Г-н Альфред,— писал Томассен,— богатый человек и после Мак Киннона, конечно, пожертвует немного на Ваш проект... Обязательно добейтесь раньше, чтобы Мак Киннон взял под свое покровительство Ваш проект» [1, ф. 143, оп. 1, № 41, л. 1].

Но главная мысль Томассена заключалась в том, что Англия «должна взять Берег Маклая под британский протекторат и тогда постепенно свет британской цивилизации распространится оттуда по другим местам Новой Гвинеи, которая станет важным пунктом для Великобритании, особенно вследствие своей близости к Австралии» [1, ф. 143, оп. 1, № 41, л. 1].

С этим Миклухо-Маклай согласиться не мог. Он связывал осуществление своего проекта с Александром III и стремился лично заинтересовать царя. Во время короткого пребывания в Петербурге осенью 1882 г. Миклухо-Маклай пять раз был на приеме у Александра III в Гатчине: 11, 18 и 23 октября и 8 и 9 ноября 1882 г.

1 ноября управляющий морским министерством адмирал И. А. Шестаков записал в своем дневнике: «Доклад. Миклухо-Маклай... склонил государя занять или приобрести в Полинезии какое-нибудь складочное место для наших судов. Для чего? По-моему, если уже непременно хотят, то пусть Маклай купит его и там поселиться, чего он только и хочет. Придет завтра

меня сверлить» [3, ф. 26, оп. 1, № 2, л. 5]. Не понимая истинных целей и намерений Миклухо-Маклая, Шестаков вел с ним «двойную игру».

10 ноября 1882 г. директор канцелярии Морского министерства контр-адмирал Н. И. Казнаков предписал командиру корвета «Скобелев» капитан-лейтенанту В. В. Благодареву немедленно отправиться в Сидней, взять там в конце марта Миклухо-Маклая и вместе с ним следовать сначала на Берег Маклая (в Порт-Константин и Порт-Алексей), а затем к о-вам Хермит и далее к о-вам Палау (Каролинские острова). «Во всех этих местах,— писал Казнаков,— Вы должны будете внимательно осмотреть и описать берега, наметив пункты, где, по Вашему мнению, было бы удобно устроить склады угля, произвести промер этих мест, обратить особенное внимание на местное производство, если есть какое-нибудь, и могут ли суда получить на месте провизию, какую именно и в каком количестве. Вместе с тем,— указывалось далее в инструкции,— обратите внимание на климатические условия местности, соберите, если возможно, сведения о состоянии погоды и господствующих ветрах в разное время года и вообще составьте самое подробное и точное описание этих мест».

В заключение инструкции Благодареву Казнаков писал, что Миклухо-Маклаю «должна быть отведена отдельная каюта. В отношениях с ним Вы не должны забывать, что вся ответственность за исход поручения лежит на Вас и что, следовательно, соблюдая относительно его все законы гостеприимства и пользуясь его знакомством со страной, Вы должны с осторожностью относиться к увлечениям отчаянного путешественника» [3, ф. 410, оп. 2, № 4155, л. 4—5].

В письме к Шестакову от 18 ноября 1882 г. из Петербурга Миклухо-Маклай писал, что он собирается выехать из Европы в январе 1883 г. и быть в Сиднее в конце февраля. Из второго письма Миклухо-Маклая Шестакову, написанного в Петербурге 1 декабря того же года, мы узнаем, что Николай Николаевич неожиданно заболел. Он писал, что, может быть, окажется «в физической невозможности отправиться сейчас же далее на острова». Миклухо-Маклай считал, что экспедиция на «Скобелеве» «займет, по крайней мере, месяцев 5 или 6 времени. Отправиться на острова больным,— писал он,— т. е. быть в физической невозможности делать обстоятельно дело, меня не привлекает, не говоря уже о том, что может иметь очень серьезные результаты для здоровья, с которым я до сих пор обращаюсь очень бесцеремонно и что теперь начинаю чувствовать» [3, ф. 410, оп. 2, № 4155, л. 88]. Николай Николаевич просил Шестакова не начинать экспедицию на «Скобелеве» на Берег Маклая до его телеграммы из Сиднея.

В начале декабря 1882 г. Миклухо-Маклай выехал из Петербурга. Перед отъездом из России он послал телеграмму не-

мецкому ученому и общественному деятелю Рудольфу Вирхову: «Хотел бы знать ваше мнение о нынешнем положении. Встретимся на следующей неделе в Берлине» [47, с. 203]. Эта встреча состоялась 16 декабря 1882 г. на заседании Берлинского общества антропологии, этнологии и доистории, где председательствовал Вирхов. На заседании с сообщением, дополняющим доклад немецкого зоолога и этнографа Отто Финша о гончарном промысле у папуасов, выступил Миклухо-Маклай. Он сказал, что на Берегу Маклая гончарством занимаются «лишь жители двух маленьких островов. Жители самого побережья не знают этого искусства» [26, с. 424]. Рассказав об особенностях этого промысла на Берегу Маклая и других островах Тихого океана, русский путешественник выразил Берлинскому обществу антропологии, этнологии и доистории и особенно профессору Вирхову «сердечную благодарность за внимание» к нему во время его путешествия по островам Тихого океана.

После заседания Миклухо-Маклай сказал Финшу, что он возвращается в Сидней «через Париж и Шотландию», где предполагает навестить своего друга. Из Берлина Николай Николаевич отправился в Антверпен, затем в Лейден, Гаагу и далее в Париж.

В Париже 29 декабря 1882 г. Миклухо-Маклай навестил И. С. Тургенева, который еще до приезда Николая Николаевича по его просьбе попросил члена одной из секций Парижской коммуны П. Л. Лаврова доставить Миклухо-Маклаю брошюры, «написанные бывшими сосланными на Новую Каледонию коммунарами о жизни их там и перенесенных ими там страданиях» [46, с. 132].

Миклухо-Маклай в Новой Каледонии был в апреле 1879 г. и при содействии губернатора Ольри получил возможность «осмотреть все достопримечательности Нумей как места ссылки», он также посетил п-ов Дюко, где были «поселены коммунары», и главную тюрьму на п-ове Ну; видел камеры для ссыльных и мастерские, где они работали. 15 апреля Миклухо-Маклай записал в дневнике: «Я рад был, когда окончил осмотр этих учреждений» [17, с. 456]. В Париже Миклухо-Маклай хотел получить у Тургенева более подробные сведения о героях Парижской коммуны, отбывающих ссылку на островах Тихого океана.

В январе 1883 г. Миклухо-Маклай был в Лондоне, где встретился с выдающимся английским естествоиспытателем, соратником Дарвина Томасом Гексли. Английский ученый высоко оценил усилия Миклухо-Маклая по созданию в Австралии Морской биологической станции. 7 февраля 1883 г. Томас Гексли писал: «Я имел удовольствие встретиться здесь на днях с моим старым другом Миклухо-Маклаем и с интересом узнал об организации зоологической станции близ Сиднея. Я часто думал о замечательных возможностях для работы зоолога среди бесчисленного разнообразия животного мира этого прекрасного

острова и моря, и если бы мог сбросить с плеч лет тридцать, думаю, что отправился бы работать на эту станцию добровольцем» [47, с. 203].

Из Лондона Миклухо-Маклай отправился в Гринок (Шотландия), затем в Геную и Неаполь. «Это путешествие по Европе, которое я старался сократить по возможности,— писал Николай Николаевич 28 января (н. ст.) 1883 г. Шестакову из Порт-Саида,—имело для моих работ, которыми я намерен заняться в течение последующих двух лет в Австралии (работ по приготовлению к печати моих путешествий), большую важность и было для них совершенно необходимо, почему я не мог никак его отложить до следующего приезда моего в Европу (вероятно, в течение 1885 г.)» [3, ф. 410, оп. 2, № 4155, л. 12].

В этом же письме к Шестакову Миклухо-Маклай писал, что его здоровье все еще неудовлетворительно и что физическое состояние может быть единственной причиной его отказа от поездки на острова Тихого океана. Николай Николаевич редко жаловался на свое здоровье, но перед этим путешествием он отступил от этого правила и написал, что после отъезда из Европы в конце января 1883 г. здоровье его «стало даже хуже, чем было перед отъездом из С.-Петербурга. Самое малое утомление сопровождается болью в области печени, которая бывает так сильна, что заставляет прерывать всякое занятие на несколько часов и даже нередко не позволяет спать по целым ночам. Неподходящая пища в Hotel'ях, ресторанах и на пароходах играет несомненно немаловажную роль при скверном положении моего здоровья. Рациональная диета, которую я имел возможность соблюдать в С.-П[етер]бурге, а главное — относительно все-таки более покойный образ жизни были причинами лучшего состояния здоровья тогда, сравнительно с теперешним, при настоящих переездах из Берлина в Париж, из Парижа в Лондон, из Лондона в Геную, Неаполь и т. д.» [3, ф. 410, оп. 2, № 4155, л. 12].

Из этого письма становится ясно, что после многолетних странствий здоровье Миклухо-Маклая было подорвано и требовало серьезного лечения. «Доктора, с которыми мне пришлось встретиться,— писал он далее,—советовали мне заняться *серьезно* состоянием моего здоровья (пока еще не трудно поправиться, говорили они) и находили *необходимым: продолжительный отдых, известную диету* и, если возможно, употребление карлсбадских вод на месте (т. е. в Карлсбаде) или по крайней мере в Австралии, не отлагая по приезде туда. Они советовали мне ни в коем случае не подвергаться некоторое время, т. е. пока не поправлюсь достаточно, продолжительному пребыванию под тропиками, который „эксперимент“ может, по их мнению, кончиться для меня весьма трагически (угрожая мне: нарывом в печени, со всеми аксессуарами и т. п.)» [3, ф. 410, оп. 2, № 4155, л. 12].

Но Шестакова и других чиновников из Петербурга здоровье путешественника мало интересовало. Забегая немного вперед, отметим, что плавание Миклухо-Маклая на корвете «Скобелев» в 1883 г. кончилось для него «весьма трагически».

28 января (н. с.) 1883 г. Николай Николаевич сообщил Шестакову, что он сможет «быть в Сиднее никак не ранее 20 марта, почему не в состоянии буду,— писал он,— ни в коем случае отправиться далее ранее 2-х недель по приезде в Сидней, которое время будет необходимо для устройства моих дел в этом городе» [3, ф. 410, оп. 2, № 4155, л. 13].

Дело в том, что на пути в Россию из Австралии, в июле 1882 г., Миклухо-Маклай отправил письмо Маргарет Кларк (дочери бывшего премьер-министра Нового Южного Уэльса Джона Робертсона), в котором сделал предложение горячо любимой им женщине. В декабре Маргарет писала Николаю Николаевичу о своем согласии стать его женой. Но этого письма он не получил. Вот почему он так спешил в Сидней.

8(20) января 1883 г. командующий отрядом судов в Тихом океане Н. В. Копытов получил разрешение Морского министерства идти на Берег Маклая. В это время контр-адмирал находился в Гонконге на фрегате «Герцог Эдинбургский». «На этой неделе,— писал Копытов жене 8(20) января этого же года,— отправляюсь на „Африку“ в Сингапур, где пересяду на „Скобелев“ и пойду по островам. Я очень рад, что моя экскурсия состоится теперь, а не в апреле, как было назначено» [3, ф. 12, оп. 2, № 23, л. 2].

За несколько дней до отправления этого письма Копытов послал Шестакову телеграмму, в которой просил «разрешения для выигрыша времени Маклаю послать к сроку в Сидней „Африку“ или одно из судов по вашему назначению, на которое мне перейти в Сингапуре, пересестъ на „Скобелев“ и на нем осмотреть острова» [3, ф. 410, оп. 2, № 4155, л. 14].

15(27) января 1883 г. Копытов вышел из Гонконга в Сингапур на крейсере «Африка». Перед отъездом из Гонконга он попросил позволения у Шестакова послать за Миклухо-Маклаем в Сидней клипер «Наездник» вместо «Африки», которой нужно было «сделать специально 10 тыс. миль», чтобы попасть в Австралию. Вскоре директор канцелярии Морского министерства контр-адмирал Н. И. Казнаков сообщил Копытову, что министр согласен поручить «Наезднику» идти в Сидней к Миклухо-Маклаю вместо «Африки», но по пути «Наездник» должен был посетить Гонолулу и поздравить короля гавайского от имени Александра III по случаю его коронавания.

29 января (10 февраля) Копытов прибыл в Сингапур, где его уже ожидал «Скобелев». Осмотрев корвет и найдя его в полном порядке и готовности, контр-адмирал сообщил в Петербург, что на днях он переносит на «Скобелев» свой флаг и уходит в море.

2(14) февраля рано утром Копытов простился с командой «Африки» и перешел на «Скобелев», а через день корвет бросил якорь в столице Нидерландской Индии — Батавии, где простоял девять дней. Контр-адмирал Копытов, командир корвета «Скобелев» В. В. Благодарев и флаг-офицер мичман Эбергард нанесли визит генерал-губернатору, который, в свою очередь, посетил корвет и пригласил русских офицеров «провести с ним несколько времени» в его постоянной резиденции Бюйтензорге (Богоре).

Утром 10(22) февраля Копытов и сопровождавшие его офицеры «простились» с Бюйтензоргом и возвратились на «Скобелев», а вечером на корвет приехал Миклухо-Маклай. В «Повседневных записях событий во время плавания» корвета «Скобелев» записано: «Около 10 часов вечера с пришедшего на рейд английского пассажирского парохода (Австралийской линии) приехал на корвет г. Миклухо-Маклай, который был принят адмиралом и затем съехал с корвета» [3, ф. 12, оп. 2, № 205, л. 6].

В рапорте Главному начальнику флота и Морского ведомства великому князю Алексею Александровичу Копытов написал, что встреча с Миклухо-Маклаем в Батавии его очень обрадовала. Сначала путешественник согласился отправиться с ним на «Скобелев» на Берег Маклая. Но на следующий день Миклухо-Маклай «пришел мне сообщить,— писал Копытов,— что его частные дела, его коллекции и теснота помещения на военных судах принуждают его отказаться от совместного со мной плавания» [11, с. 20].

Убеждая путешественника идти с ним на «Скобелев», Копытов указал, что «каютою ему будет просторное и во всех отношениях прекрасное, особое, хотя и отделенное от палубы только обвесами, помещение под полуютом» и что его решение отправиться на «Скобелев» устранил необходимость в плавании в Сидней «Наездника».

Николай Николаевич выехал из Европы больным, поэтому ему важно было знать, в каких условиях он будет находиться на корвете во время трудного плавания по экватору. Копытов этого не понимал. В частном письме он писал, что «житель между дикарями оказался гораздо более взыскательным каждого из нас, людей общества, и что для него военные суда не довольно удобны, я все-таки этого *вольного* человека привел в порядок» [3, ф. 12, оп. 2, № 23, л. 27].

12(24) февраля Миклухо-Маклай приехал на корвет «Скобелев» для следования на Берег Маклая. Вскоре после этого русские моряки «снялись с якоря и дали ход». При первой встрече с путешественником у Копытова было какое-то предвзятое отношение к Николаю Николаевичу, которое, по-видимому, сложилось у контр-адмирала еще в Петербурге. Но когда Копытов поближе познакомился с Миклухо-Маклаем, он уже не

мог одержать своего восторга подвигами выдающегося путешественника и ученого. «Думая найти дикаря, убежавшего от людей на Нов[ую] Гвинею,— писал Копытов 15(27) февраля 1883 г.,— я встретил человека, у которого учусь теперь светскости и общественности... Кроме отличного ничего другого про него сказать не могу. Весьма строгой нравственности, серьезных правил и вообще во всех отношениях выдающийся человек» [3, ф. 12, оп. 2, № 23, л. 29].

15(27) февраля Миклухо-Маклай написал Копытову маленькую записку, чтобы напомнить контр-адмиралу разговор, происходивший между ними, «о большой пользе, которую может принести подарок нескольких пар домашних животных для установления прочных дружеских отношений между русским и туземным населением того берега. Я не сомневаюсь,— писал путешественник,— что туземцы Берега Маклая вполне оценят важность такого подарка и сохранят о посещении „Скобелева“ самую лучшую память — молодого бычка и телку» [34, с. 242]. Миклухо-Маклай не упускал случая помочь местным жителям.

16(28) февраля корвет «Скобелев» подошел к Макасару на острове Целебес (Сулавеси). Копытов нанес визит губернатору Ван Троми, а затем в его коляске поехал осматривать город. «Хотя Макассар,— писал контр-адмирал,— чуть не 300 лет в голландском владении, но миль двадцать от города,— и уже жители малайцы, вполне независимые и весьма воинственные. Вообще по всему острову голландцы владеют только несколькими приморскими городами, а остальное принадлежит полудиким малайцам к европейцам весьма враждебным... Голландцы ими занимаются мало, интересуясь только своими гульденами, накопивши которых возвращаются в Европу» [3, ф. 12, оп. 2, № 23, л. 31].

20 февраля (4 марта) «Скобелев» вышел из Макасара по направлению к Амбоине (Амбон), расположенной на одноименном острове в группе Молуккских островов. Расстояние, равное 601 миль по морям Флорес и Банда, прошли под парами за трое суток и три часа. «Амбоина,— писал Копытов,— производит главным образом гвоздику и мускатный орех, вообще же фруктов и плодов бесконечное разнообразие... Не знаю, стоит ли повторять о чудной тропической растительности. Каждый порт, который мы посещаем, хвалится превосходством своего климата перед предшествовавшим. Батавия лучше Сингапура, Макассар — Батавии, Амбоина — Макассара» [3, ф. 12, № 23, л. 33].

Резидент Ридль («немец, сделавшийся голландцем», женатый на малайке) пригласил Копытова переехать к нему. «Помещение нам (мне и г. Маклаю),— писал контр-адмирал,— ответило, как всегда, просторное». Ридль показал Копытову и Миклухо-Маклаю свой «огромный и отлично устроенный» ботанический сад. Вблизи сада на свободе летали какаду разных цве-

тов с подрезанными крыльями, маленькие разноцветные попугаи, прогуливались казуары, обезьяны и другие животные.

«Уезжая в третий раз в 1883 г. на Берег Маклая,— писал Николай Николаевич профессору В. Бурху позднее,— я взял с собою из Амбона семена различных растений и деревьев, которыми меня снабдил г-н резидент Ридль и г-н ассистент резидента Штормер... Приехав на Берег Маклая, я посеял собственноручно и раздал туземцам привезенные семена, и я имею полное основание полагать, что растения выросли и акклиматизировались в Новой Гвинее наравне с другими, привезенными мною в 1871—1872 и 1876—1877 гг.» [38, с. 318].

23 февраля (7 марта) в Амбоине по просьбе Миклухо-Маклая был закуплен скот. Другие подарки для жителей Берега Маклая Копытов закупил еще в Гонконге.

26 февраля корвет «Скобелев» из Амбоины направился прямо на Берег Маклая и 5 марта встал на якорь в бухте Порт-Константин. Расстояние в 1295 миль прошли за 7 суток и 11 часов. Более недели шли под парами, около 20 миль за четыре часа прошли под парусами.

На следующий день, 6(18) марта, Миклухо-Маклай сошел на берег около деревни Бонгу. «Я скоро открыл,— писал он,— что целые две площадки с окружавшими их хижинами обратились в пустырь. Площадки заросли травой, а на развалинах хижин рос кустарник». Папуасы объяснили ему, что «из туземцев, живших в этих хижинах, одни перемерли, а другие выселились». Старый приятель Миклухо-Маклая Саул рассказал ему о приходе в Гарагаси «тамо инглис».

На расчищенном участке земли Миклухо-Маклай посадил семена и молодые растения манго, хлебного дерева, цитрусовых (лимонного и апельсинового дерева), ананасов и других культурных растений. Семена кофейного дерева он просил папуасов посадить в горных деревнях. По знакомой тропинке Миклухо-Маклай отправился в деревню Горенду. «Вместо значительной деревни,— писал он,— остались только две-три хижины; все заросло до неузнаваемости» [21, с. 585—586].

Жители деревни Бонгу приглашали Миклухо-Маклая «поселиться между ними» и спрашивали совета, как поступить, если в деревне опять появятся «тамо инглис». «Я чувствовал себя,— писал Миклухо-Маклай,— как дома, и мне положительно кажется, что ни к одному уголку земного шара, где мне приходилось быть во время моих странствований, я не чувствую такой привязанности, как к этому берегу Новой Гвинеи» [21, с. 586].

6(18) марта Миклухо-Маклай сообщил Копытову, что поиски переводчика для Архипелага Довольных Людей в деревнях Бонгу и Горенду «не увенчались успехом по той простой причине, что жители этих деревень не знакомы с диалектом тех островов и, кроме того,— писал он,— не находятся в дружелюбных отношениях с этими последними». Николай Николаевич просил

Копытова замедлить ход корвета у о-ва Били-Били, где он без труда сможет, *«вероятно, найти нужного переводчика»* [35, с. 243].

7(19) марта рано утром корвет «Скобелев» отправился в бухту Порт-Алексей, расположенную в 26 милях к северу от бухты Порт-Константин. В 7 часов утра у о-ва Били-Били корвет уменьшил ход. «В это же время,— указано в „Повседневных записях“,— была спущена четверка, на которой г. Миклухо-Маклай привез на корвет 4-х туземцев, из которых двое, бросаясь в воду, уплыли» [3, ф. 12, оп. 1, № 205, л. 13].

8(20) и 9(21) марта моряки корвета занимались съемкой и промером бухты Порт-Алексей и Архипелага Довольных Людей на пяти судах (на рабочем и офицерском катерах, четверке, вельботе № 2 и паровом катере). Копытов писал, что здесь был найден рейд, «один из таких, какие не встречаются часто не только на прямолинейных берегах Новой Гвинеи, но и вообще. Отлично защищенный от ветров и волнений...» [11, с. 27].

За день до отплытия корвета «Скобелев» из бухты Порт-Алексей Миклухо-Маклай посетил небольшой островок Маласпену, расположенный вблизи о-ва Сегу. У папуасов Миклухо-Маклай спросил, смог бы он построить себе здесь дом в случае возвращения. «Все оказались не только согласны,— писал Миклухо-Маклай,— но даже очень довольными, услышав, что я поселюсь недалеко от них» [21, с. 595].

11 марта корвет из залива Астролябия отправился на атолл Хермит с заходом на о-ва Адмиралтейства. За трое суток и 11 часов прошли 381 милю. Двое суток и девять часов шли под парами и более суток под парусами. 14 марта «Скобелев» бросил якорь у главного острова Луб атолла Хермит. На «Скобелеве» Миклухо-Маклай в третий и последний раз посетил эти острова.

В первый раз Миклухо-Маклай был на о-вах Хермит и Адмиралтейства в 1876 г., плавая на шхуне «Морская птица» (на пути к Берегу Маклая). Во второй раз он прибыл на шхуне «Сэди Ф. Коллер». Во время плавания на торговых судах Миклухо-Маклай собрал большую информацию о жизни населения этих островов, которая была опубликована в различных журналах и вошла впоследствии в собрание его сочинений. Миклухо-Маклай был одним из первых исследователей атолла Хермит. Во многих своих работах он называл его о-вами Агомес, или Луб. Миклухо-Маклай писал, что Агомес есть «не что иное, как искаженное туземным произношением английское название Hermit, которое туземцы часто слышат от шкиперов» [19, с. 561], а Луб было дано по названию «главного острова».

У о-вов Хермит были произведены съемка и промер глубин. Копытов писал, что эти острова часто посещались европейцами. «По существующим порядкам,— отмечает он,— англичане, немцы, американцы в случае, если на каком-либо из островов бу-

дет кто-либо из их нации убит туземцами, наказывают такой остров — стреляя их и сжигая их селения, почти не входя в разбирательство, кто прав, кто виноват, несмотря на то, что в большинстве случаев виноваты торговцы-европейцы своими безмерными злоупотреблениями, насилиями, обманами и проч.» [11, с. 30]. Об одной такой экзекуции, происходившей незадолго до прибытия корвета «Скобелев» на Хермит, местные жители подробно рассказали Н. Н. Миклухо-Маклаю.

На о-вах Адмиралтейства «Скобелев» стоял 5 часов, а на о-вах Хермит — 28 часов, и оттуда он направился к о-вам Пелау (Палау). Расстояние в 948 миль прошли за 4 суток и 18 часов, почти все время шли под парусами. 20 марта «Скобелев» встал на якорь у северо-западной оконечности главного острова Бабельтопа (Бабелтуап). Здесь было обнаружено большое «несогласие карт с действительностью». Для промера глубин Копытов направил гребные суда.

Так же как о-ва Адмиралтейства и Хермит, о-ва Палау Миклухо-Маклай в первый раз посетил в 1876 г. на пути к Берегу Маклая (перед вторым посещением этого берега). Отсюда путешественник взял на Новую Гвинею двух слуг — Мебли и Миру. В период пребывания на Палау Миклухо-Маклай собрал интересный материал о жизни населения островов и составил словарь языка пелау. Особая глава в его работе «Архипелаг Пелау» была названа: «Характер туземцев и отношение их к европейцам» [23, с. 303—313]. В ней Миклухо-Маклай передает рассказы местных жителей о преступлениях английского подданного Чана — шкипера и тредора², доставлявшего в Китай с островов Тихого океана трепанг, черепах и сандаловое дерево. В 1865 г. за разбой, издевательства и разжигание войны между жителями селений Корор и Малегюок Чан был убит жителями Корора. Разбойнику Чану принадлежал небольшой островок около Корора, который после его смерти за отсутствием наследников перешел к английскому правительству.

В апреле 1876 г., во время пребывания на о-вах Палау, Миклухо-Маклаю удалось установить хорошие отношения с жителями многих селений. «В Короре, — писал он, — я был гостем Айбадула, в Малегюоке имел дело с томодем и не могу пожаловаться на недостаток любезности с их стороны» [23, с. 308].

С полного согласия томоля Раклая — главного вождя независимой области Артингал, расположенной на о-ве Бабелтуап (столицей области в то время была деревня Малегюок), Миклухо-Маклай 22 апреля приобрел на мысе Артингал о-ва Бабелтуап два небольших участка земли, которые носили туземные названия Комис и Ораберамис. У Миклухо-Маклая было «горя-

² «Тредорами, — писал Миклухо-Маклай, — называются на островах Тихого океана агенты торговых домов, которые получают из торгового дома товары для меновой торговли с туземцами, за что имеют известный процент произведений: копры, трепанга и т. п.» [18, с. 247].

чее желание» организовать в тропиках морскую биологическую станцию. По-видимому, на мысе Артингал он и хотел создать подобную станцию.

В письме к Копытову от 29 марта (10 апреля) 1883 г. Миклухо-Маклай изложил результаты своей поездки в деревню Малегиок на о-ве Бабелтуап, где он находился 20 и 21 марта (1—2 апреля) 1883 г. Перед отъездом из Малегиока русский путешественник попросил своих бывших слуг Мебли и Миру построить ему дом. От местных жителей Миклухо-Маклай узнал, что незадолго до прихода «Скобелева» моряки с британского военного корабля не только сожгли и разрушили все дома в деревне Малегиок, но и разграбили и увезли их собственность, несколько ружей и больших сосудов, употребляемых для варки трепанга, за то, что жители деревни «не могли сразу уплатить тяжелую контрибуцию...» [33, с. 245]. Об этом акте насилия Миклухо-Маклай сразу написал письмо коммодору английской морской станции в Китае и просил восстановить разрушенную деревню и возвратить взятую собственность. Это письмо было переслано командующему английским флотом Кенингу. Однако Кенинг в частном письме к русскому путешественнику признал свое полное бессилие в этом вопросе.

21 марта 1883 г. «Скобелев» снялся с якоря и направился к Филиппинским островам. Расстояние от Палау до Себу, равное 724 милям, прошли за пять суток. Сутки и восемь часов шли под парами и около четырех суток — под парусами. 26 марта «Скобелев» прибыл в Себу, где два дня грузился углем. От Себу до Манилы шли два дня под парами, и 31 марта встали на якорь у адмиралтейства Кавита.

Здесь Миклухо-Маклай сделал записи о климате Берега Маклая, дополнившие его «Метеорологические заметки с Берега Маклая на Новой Гвинее», опубликованные в 1874 г. [25]. Средняя годовая температура на Берегу Маклая в 1871—1872 гг., равная 26,2°, была такой же, как в Сингапуре, Бомбее и Бенаресе. Миклухо-Маклай обратил внимание на ничтожное колебание температур в этой местности по временам года. «Средние температуры месяцев,— писал он,—представляют только 1,4° разницы». На Берегу Маклая наблюдался определенный дождливый период. Больше всего осадков выпадало в январе (383,3 мм) и в феврале (258,5 мм). Годовое количество осадков в бухте Порт-Константин равнялось 2393,6 мм.

1(13) апреля Копытов отправил в Петербург телеграмму о благополучном прибытии в Манилу. Он сообщил, что через три дня уходит в Шанхай для дальнейшего следования на родину. В тот же самый день Копытов получил приказ Казнакова немедленно отправиться во Владивосток. Такая поспешность в изменении курса «Скобелева» была вызвана началом ежегодного летнего крейсерства английского флота у дальневосточных берегов России. 1(13) апреля Копытов телеграфировал велико-

му князю Алексею Александровичу, главному начальнику флота и морского ведомства, что корвет уходит во Владивосток.

Но из-за мощного слоя льда, сковавшего берега Японского моря в бухте Золотой Рог, Копытов получил новый приказ идти во Владивосток, «когда вскрыется лед», а пока отправиться в Нагасаки и Шанхай. 5(17)апреля корвет вышел из Манильской бухты и взял курс на Формозу. Через десять дней на пути из Нагасаки в Шанхай «Скобелев» потерял одну лопасть винта, возвратился в Нагасаки и вошел в док для ремонта³.

Известие о плавании «Скобелева» с Миклухо-Маклаем на борту к Берегу Маклая дало повод для усиления борьбы за захват Восточной Новой Гвинеи. 4(16) апреля в Лондоне на заседании палаты общин началось обсуждение полученной из Квинсленда телеграммы, извещавшей о том, что губернатор этой английской колонии в Австралии, «желая предотвратить занятие Новой Гвинеи какой-нибудь другой державой, распорядился занять ее от имени британской королевы, впредь до тех пор, когда английское правительство постановит решение по поводу отправляемой им сегодня ноты» [45, 6.IV.1883].

Вскоре в газете «Русский инвалид» появилось сообщение из Лондона «по поводу присоединения Новой Гвинеи» англо-австралийской колонией Квинсленд. Захват восточной части Новой Гвинеи был осуществлен по приказанию премьера Квинсленда 4 апреля 1883 г. полицейским администратором о-ва Четверга (Терсди) Честером на небольшом катере. «Таймс» писала, что «полицейские судьи весьма хорошие и способные чиновники, но кажется это еще первый пример, чтобы один из них был призван присоединить страну, которая больше Франции» [45, 13.IV.1883].

Миклухо-Маклай съехал с корвета «Скобелев» на пассажирский пароход, идущий в Гонконг, 5(17) апреля. «За завтраком,— писал Копытов в этот же день,— простился с Миклухо-Маклаем, который отправился к себе в Сидней. Он весьма любезный человек, и общество его очень наполняло мое время» [3, ф. 12, оп. 2, № 23, л. 39]. Накануне отъезда из Манилы Николай Николаевич написал брату Михаилу, что экскурсия на корвете закончилась и Миклухо-Маклай через Гонконг и Сингапур едет в Сидней, где предполагал быть в конце мая. «Скажи матери,— писал он,— что я здоров и очень нетерпеливо ожидаю возвращения в Сидней, так как от Риты уже месяца три не получал и не могу получить писем» [37, с. 244].

24 апреля (6 мая) во время плавания на пароходе «Венеция» в Южно-Китайском море, на пути из Гонконга в Сингапур,

³ 13(25) мая 1883 г. «Скобелев» прибыл в бухту Золотой Рог. До конца октября он находился в крейсерстве у дальневосточных границ России по маршруту: Сахалин, Камчатка, Курильские острова, Командорские острова. Он посетил также Нагасаки и Иокогаму, откуда в конце 1883 г. вернулся на родину через моря Тихого и Индийского океанов и Суэцкий канал.

Миклухо-Маклай написал великому князю Константину Николаевичу большое письмо, в котором сообщал, что через несколько дней после прибытия в Гонконг он прочел в газетах об аннексии восточной части Новой Гвинеи австралийской колонией Квинсленд. Это было тяжелым ударом для русского путешественника.

В телеграммах из Лондона, опубликованных в английских газетах, «затем в английских газетах (печатаемых в Китае и Австралии), — писал Миклухо-Маклай, — появились разные статьи о занятии Новой Гвинеи австралийской колонией Квинсленд, между прочим, с догадками о главной причине такого поспешного шага. Такую главную причину думают найти в обстоятельстве, что в Бризбейн (столицу Квинсленда) дошли слухи об угрожающем захвате юго-восточной половины острова Новая Гвинея постороннею державою.

Читая эти статьи, — писал он далее, — мне стало ясно, что мое переселение с почтового австралийского парохода на русское военное судно не прошло не замеченным в Австралии и что в Бризбейне, куда отправился пароход „Chyebassa“, это обстоятельство так встревожило (!) тамошнее правительство, которое, надо заметить, уже не раз изъявляло желание занять Н[овую] Гвинею, что, боясь опоздать, убедило тамошнего весьма осторожного губернатора сэра Артура Кеннеди сделать этот поспешный шаг» [3, ф. 410, оп. 2, № 4155, л. 45—46].

Приложив соответствующие вырезки из газет, Миклухо-Маклай просил великого князя Константина Николаевича поддержать его просьбу о «русском протекторате» для Берега Маклая, «если... британское правительство не согласится на это новое расширение колониальных своих владений».

На этом письме сохранилась пометка Шестакова: «напомнить мне чаще на этот вопрос и дать концентрированную выписку из рапорта Копытова, к чему он приходит». Позднее Шестаков просил переписать рапорт Копытова «все чисто и по-русски. Приложить графическое изображение пути корвета и копию с картографированных мест. Все это собрать, чтобы можно было представить его величеству, только скоро» [3, ф. 410, оп. 2, № 4155, л. 21].

На пути из Гонконга в Сингапур Миклухо-Маклай отправил еще два письма о взволновавшем его газетном сообщении — захвате Новой Гвинеи австралийской колонией Квинсленд. 21 апреля (3 мая) он сообщил Копытову: «Аннексия эта хотя мне и неприятна, но не изменит моих планов относительно берега Маклая» [3, ф. 22, оп. 2, № 27, л. 162]. Младшему брату Михаилу Николай Николаевич написал 6(18) мая, что его «план в главных основаниях решен, но детали еще не определились». Для реализации плана ему необходима была помощь брата. Он просил Михаила Николаевича поселиться на небольшом участке земли, который имелся у Н. Н. Миклухо-Маклая на

о-ве Бабелтуап. В ответном письме М. Н. Миклухо-Маклай сообщает о своем согласии отправиться на острова Тихого океана при условии, если он там будет иметь возможность «заниматься геологическими работами».

30 апреля (12 мая) на пути в Австралию Миклухо-Маклай на три дня остановился в Сингапуре. «Я распорядился,— писал он П. П. Сорокоумовскому 2(14) мая 1883 г.,— о приведении в порядок моего островка, Серимбона, так что вы будете избавлены от всяких хлопот и недоразумений касательно его» [40, с. 248]. Островок Серимбон, расположенный в проливе Селат Тебрау, отделяющем Сингапур от п-ова Малакка, Николай Николаевич приобрел у махараджи Джохора во время путешествия на п-ов Малакка в 1875 г. специально для создания первой в Азии морской биологической станции, которая должна была стать местом спокойной работы для ученых. «Прежде всего эта станция „Тампат-Сенанг“ (по малайски „место покоя“),— писал он,— должна служить для меня: в мое отсутствие и после моей смерти я отдаю ее в распоряжение каждого изучающего природу, кто нашел бы ее удобною для своих занятий» [22, с. 226].

Но великий русский путешественник так и не нашел спокойного места для научной работы ни в одной части света. Когда он находился уже близко от Австралии, он еще не знал, что 14(26 мая) 1883 г. в Германии была создана Новогвинейская компания и ее представитель Отто Финш, с которым Миклухо-Маклай встречался в студенческие годы в Германии и мирно беседовал в декабре 1882 г. на заседании Берлинского общества антропологии, этнологии и доистории, о котором речь шла выше, отправлялся в Новую Гвинею для подготовки захвата Берега Маклая.

На «Венеции» в конце мая 1883 г. Миклухо-Маклай встретился с Чалмерсом, старым своим знакомым из Лондонского общества миссионеров, который сел на этот пароход на о-ве Четверга (Терсди), расположенном в Торресовом проливе. Чалмерс оставался спутником русского путешественника до Брисбена.

Миклухо-Маклай предложил Чалмерсу написать вместе письмо статс-секретарю британских колоний лорду Дерби в случае, «если английское правительство решит присоединить южную половину восточной части Новой Гвинеи к британским владениям». Миклухо-Маклай и Чалмерс от имени «туземцев» Новой Гвинеи просили лорда Дерби об уважении прав папуасов, о запрещении вывоза рабочих с острова и ввоза спиртных напитков. Миклухо-Маклай и Чалмерс были «согласны в том, что если Новую Гвинею нельзя более оставить в прежнем ее виде, то из двух зол: зависимости ее от Англии или от колонии Квинсленд — *первое для туземцев будет меньшее*» [16].

20 июня 1883 г. копию письма лорду Дерби Миклухо-Мак-

лай уже из Сиднея направил премьеру правительства Великобритании Вильяму Гладстону. Русский путешественник обратил внимание главы английского правительства на то, что это письмо послано «от имени многих десятков тысяч людей, которых преступление состоит единственно в том, что они имеют кожу темного цвета, более слабы и не в состоянии (в настоящее время) отстаивать сами своих прав» [29, с. 250]. Миклухо-Маклай и Чалмерс надеялись, что «имперское правительство не признает и не поддержит политику: *насилия, людокрадства и невольничества*». Вторую копию письма лорду Дерби Миклухо-Маклай направил секретарю Общества покровительства туземцев⁴.

Обращаясь к лорду Дерби и Вильяму Гладстону, Миклухо-Маклай вместе с тем ждал помощи из России. 11 октября 1883 г. он писал Копытову: «...вопрос аннексирования моего берега меня *значительно* интересует, но протестовать *словами*, а не делом мне кажется было бы *смешно*, но если я молчу *пока*, то это молчание вовсе не соответствует бездействию» [3, ф. 12, оп. 2, № 26, л. 164].

Сообщая, что в Сиднее соберутся представители всех австралийских колоний для обсуждения вопроса об аннексии Новой Гвинеи, Миклухо-Маклай писал контр-адмиралу: «Сознаюсь, что рассчитывать на успех — дело трудное... было бы хорошо, если бы я имел бы поддержку русского правительства. Но ему теперь, кажется, не до островов Тихого океана и Новой Гвинеи» [3, ф. 12, оп. 2, № 26, л. 164].

Осенью 1883 г. в английских и австралийских газетах появилось сообщение о том, что бригадный генерал Мак-Ивер и капитан Кенерли организуют экспедицию для колонизации окрестностей бухты Порт-Константин на Берегу Маклая и для торговли с «туземцами». В опубликованном в газете проспекте указывалось, что местность, подлежащая колонизации, отличается плодородием почв, а недра ее богаты золотом, серебром, оловом, медью, каменным углем и драгоценными камнями. «Климат,— указывалось в проспекте,— здоров, остров — настоящий рай, с богатейшею фауной и флорой». С Берега Маклая предполагалось вывозить чучела райских птиц с их великолепными перьями, камфору, черепах, жемчуг, каучук, сандаловое дерево, сахарный тростник и другие товары. «По словам проспекта,— писал Миклухо-Маклай,— скотоводство и овцеводство окажут-

⁴ Много лет спустя Копытов писал, что «острова Тихого океана терпят угнетение европейцев постоянно, о степени же происходящих там ужасов Европа остается в неведении, так как на местах действий, кроме самих грабителей, никого нет, то и в печать ничего не проникает. Покойный Миклухо-Маклай рисовал ужасные картины всего там происходящего и делал попытки добраться до сердца и чувств человеколюбия английского министра, но оно также солидно прикрыто броней, как и их броненосцы, и его письма лорду Дерби, конечно, были безрезультатны» [14, с. 54].

ся также прибыльными, как в самых лучших местах колонии Квинсленд». Далее в проспекте указывалось, что в этой местности имеется «порт достаточной величины и глубины для судов всего мира», где будет основан «первый город», который станет «столицей одного из богатейших островов мира» [16].

Для того чтобы предупредить «вторжение непрощенных гостей» на Берег Маклая, Миклухо-Маклай 27 октября 1883 г. отправил Дерби телеграмму: *«Туземцы берега Маклая желают политической самостоятельности под европейским покровительством»*. Этой телеграммой Миклухо-Маклай хотел напомнить английскому правительству, что с «туземцами» Новой Гвинеи «нельзя обращаться, как с животными, населяющими эту страну, то есть, забрать просто их землю, не принимая в расчет желания туземцев, как это было сделано в Тасмании и Австралии». Миклухо-Маклай надеялся, что лорд Дерби встанет на защиту папуасов и выступит «против этой экспедиции», от которой папуасы «могли ожидать только насилия и эксплуатации» [16].

13 ноября 1883 г. обращение Миклухо-Маклая к английским государственным деятелям обсуждалось на общем собрании Королевского института колоний в Лондоне. С докладом о Новой Гвинее и западной части Тихого океана выступил член Королевского географического общества Уилфрид Пауэл. Франк Гриноп пишет, что Пауэл взывал с мольбой о «спасении Новой Гвинеи от катастрофы, грозящей ей от нашествия безответственных авантюристов». На собрании была зачитана телеграмма Миклухо-Маклая лорду Дерби. Выступивший там же известный исследователь Новой Гвинеи, английский мореплаватель Джон Морсби дал высокую оценку научной и общественной деятельности Миклухо-Маклая. Он охарактеризовал русского путешественника как человека, обладавшего «чрезвычайно глубоким умом». Морсби выразил надежду, что английские власти «сделают все, что в их силах, чтобы помешать алчным и бессовестным бандам английских авантюристов стать проклятием Новой Гвинеи, какими они часто становились в прошлом на других островах» [47, с. 214].

Телеграмма Миклухо-Маклая Дерби привлекла внимание и русской печати. 7 января 1884 г. в «Новом времени» была опубликована передовая статья, в которой было написано: «Как только правительство Соединенных Штатов снарядило свою экспедицию на Новую Гвинею, Миклухо-Маклай и послал лорду Дерби телеграмму, в которой высказал надежду, что Англия примет остров под свое покровительство, но с условием уважать учреждения местного самоуправления и земские права папуасов. Лорд Дерби быстро ответил на призыв... и вот в скором времени Англия под шумок китайско-тонкино-французских пререканий присоединит Новую Гвинею к своим колоссальным владениям».

В заключение газета писала: «Нам кажется, что эта услуга русского путешественника обязывает Англию к взаимной услуге по отношению к России, если б русское правительство сочло необходимым приобрести морскую станцию на Дальнем Востоке» [42].

О статье в «Новом времени» Миклухо-Маклай узнал из австралийских газет. В сообщении от 21 января 1884 г. из Лондона было написано, что «русская газета „Новое время“, делая замечания насчет письма... Маклая относительно требований туземцев Берега Маклая политической самостоятельности, нападает на него за недостаток патриотизма, благоприятно относясь к идее английского протектората над Новой Гвинеей» [16].

Не зная содержания всей статьи, напечатанной в «Новом времени», Миклухо-Маклай для опровержения преднамеренных искажений текста его телеграммы лорду Дерби опубликовал 22 мая 1884 г. в газете «Новости и биржевая газета» большую статью «Берег Маклая в Новой Гвинее и протекторат» [16], в которой привел свою переписку с английскими государственными деятелями и дал подробный анализ обстановки на Тихом океане, сложившейся в результате захвата островов Океании Англией, Германией, Францией и Соединенными Штатами Америки. Миклухо-Маклай писал, что все завоевания перечисленных стран «отступят совершенно на второй план, сравнительно с приобретениями британскими».

В ноябре 1884 г. Англия объявила протекторат над южной частью восточной половины Новой Гвинии. Через месяц после этого германский посол в Петербурге Ганс-Лотар Швейниц известил русское правительство о занятии Германией северного берега Новой Гвинии и архипелага Новая Британия, в том числе и Берега Маклая. На о-вах Палау испанский гарнизон был высажен немного позднее.

Все эти события глубоко потрясли Миклухо-Маклая. Узнав о захвате Германией Берега Маклая, он послал телеграмму Бисмарку: «Туземцы Берега Маклая отвергают германскую аннексию» — и большое количество писем Александру III, министру иностранных дел Н. К. Гирсу и другим государственным деятелям России с протестами и просьбами «о даровании туземцам Берега Маклая российского покровительства, *признав его независимым*» [8, с. 563].

Профессор классической филологии, друг путешественника В. И. Модестов писал, что Миклухо-Маклай был человеком необыкновенной силы характера. «Препятствия, насколько они зависели от рук человеческих, для него не существовали, и он над ними не задумывался... Если нельзя чего сделать, напр[имер], при помощи русских, то можно сделать при помощи англичан, если нельзя сделать и при помощи англичан, то можно сделать каким-нибудь другим способом». Если предприятие требовало больших денег, в которых у Миклухо-Маклая «был

чувствительный недостаток, то это обстоятельство «смущало его всего менее, по крайней мере, в момент обсуждения» [41].

После возвращения в Россию из Австралии весной 1886 г. Миклухо-Маклай начал новый тур упорной борьбы за создание на островах Тихого океана русской вольной колонии [10]. 9 августа того же года он представил Н. К. Гирсу важный документ — проект будущего экономического и политического устройства русского поселения на Тихом океане [30], в основе которого лежал «Проект развития Берега Маклая», разработанный путешественником еще в 1881 г. Как в первом, так и во втором вариантах своего проекта Миклухо-Маклай хотел создать на одном из островов Тихого океана общество без эксплуатации и расовой дискриминации, на основе общинной собственности на землю, с демократическим управлением. И хотя его проект был отвергнут, а острова, где он хотел создать новое общество, были заняты европейскими державами, Миклухо-Маклай верил, что его проект «рано или поздно осуществится» и единственная цель его жизни — «польза и успех науки и благо человечества» — будет осуществлена.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Отрывки из писем контр-адмирала Н. В. Копытова
жене А. А. Копытовой, написанных во время плавания
корвета «Скобелев» на Берг Маклая в 1883 г.

*Корвет «Скобелев» у города Макассара на острове Целебес,
вторник 15/27 февраля 1883 г., 23°R*

В прошлом письме я тебе уже сообщал о моей неожиданной, негаданной встрече с Миклухо-Маклаем. Это обстоятельство для службы крайне благоприятное, для меня лично, в конце концов, лишний случай к неудовольствиям, но я все-таки чрезвычайно рад встрече. Без Миклухо-Маклая я бы мог выполнить чрезвычайно поверхностно свое дело. Теперь же, имея его с собою, мне будет все вдесятеро легче. Он же сам по себе, человек чрезвычайно интересный, проделавший вещи почти невероятные, во время его жизни с дикарями и при различных путешествиях по всем углам Тихого океана. Слушать рассказы о его приключениях доставляет много удовольствия, и часто не верится, чтобы такой маленький и слабенький человек мог бы делать такие дела. Он говорит на 12 языках и субъект не только образованный, но ученый. В России, Англии, Франции, Германии он познакомился и даже в некоторых случаях подружился со всеми современными знаменитостями и людьми чрезвычайно высокостоящими.

Думая найти дикаря, убежавшего от людей на Нов[ую] Гвинею, я встретил человека, у которого теперь учусь светскости и общности. Кого он не знает и с кем он не друг? В здешних колониях различных государств он

¹ 23° по шкале Реомюра равны почти 29° по шкале Цельсия.

приятель со всеми генерал-губернаторами, вице-королями и магараджами. В то же время до сих пор я кроме отличного ничего другого про него сказать не могу. Весьма строгой нравственности, серьезных правил и вообще во всех отношениях выдающийся человек. В прежних наших комиссиях говорили, он бывал неуживчив, вот почему, я думаю, мы будем ссориться. Но может быть и обойдется, хотя у него разных претензий больше, чем у многих лондонцев, хотя он и с Новой Гвинее. Теперь повсюду его очень балуют.

*Новая Гвинея, Берег Маклая,
воскресенье 6/18 марта 1883 г., 24°R*

Вчера прибыли сюда после прекрасного и успешного перехода. Несмотря на пятилетнее отсутствие Маклая², туземцы его тотчас узнали. Тут съехавши на берег сегодня утром удалось видеть дикарей вполне; людей, кроме Маклая и двух наших судов, не видевших никогда европейцев. Они людоеды. В деревнях же, в которых мы были, Маклай их цивилизовал, и они больше своих пленников не употребляют для обедов и завтраков. Много впечатлений я не вынес из свидания... Маклай много расхваливает их нравственность и обычаи, но видимость их жизни мало к себе располагает. Они еще не знают употребления металлов и имеют все сделанное из дерева³. Торговли никакой нет. Грамотности и письмен тоже. Каждые несколько небольших деревень имеют свой особенный язык и друг друга на расстоянии нескольких миль совершенно не понимают. Почти не одеты, не имеют никакого имущества и домашнего скарба, кроме шалашей с нарами. Интересуются только раскрашиванием своих физиономий и волос и украшением головы куафюрами⁴, кто бы это подумал?

При моем выходе на берег они старались все быть сколько можно приветливы, повели в свои деревни и предоставляли рассматривать все их домашнее устройство. Затем подчивали кокосами, которые срывали при нас с громадного дерева. Возвратясь наверх одному из них не стоило ни малейшего труда. Я еще в Гонконге купил для них разных разностей, и сегодня Маклай при мне раздавал им табак и ситец. Кроме того по его просьбе я велел купить быка и корову, козла и трех коз в Амбоине, и их тоже им отвезли, так как они этих животных у себя не имеют. Я еще не знаю, но я думаю, им больше всего доставили удовольствие пустые бутылки и жестянки, массу которых только что отвезли на берег.

Из Амбоины до [Новой] Гвинии мы шли шесть дней, а от Батавии три недели, что уже для данных обстоятельств очень хорошо. Несмотря на отдаленность этого места, корвет пришел с полным запасом угля, воды и свежей провизии. По выходе отсюда начнется вторая половина этого отдаленного плаванья и надобно надеяться [будет] хотя сколько-нибудь по-прохладнее, и то несмотря что температура за все время для этих мест сравнительно была низкая, все-таки жара постоянно дает себя чувствовать очень сильно, и меня

² Миклухо-Маклай прибыл на «Скобелеве» на Берег Маклая через шесть лет после второго посещения этого Берега в 1876—1877 гг.

³ Для обработки дерева и других материалов папуасы использовали каменные топоры, костяные скребки и острые осколки раковин.

⁴ Куафюры (франц. coiffure) — прическа.

порядочно мучает тропическая сыпь — вещь весьма несносная, происходящая от постоянной испарины и сама исчезающая, как только температура ниже 22°R.

Видя здешних людей и условия жизни, нельзя не любоваться и не дивиться предприимчивости и характеру Маклая, прожившему так долго между ними и желающему опять тут же поселиться. Я бы не желал провести с ними и одного дня. Здешний климат отличается своею сыростью и при жарах он делается чрезвычайно вредным. Англичане и голландцы пробовали несколько раз поселяться в разных пунктах, но чрезвычайная болезненность и смертность вынуждала их покидать [Новую] Гвинею. Теперь показывается более паровых, и может быть, при настойчивости когда-нибудь в будущем, с большими жертвованиями эти неудобства и преодолеть.

Вчера была погода очень хорошая, сегодня же прекрасная. Я ездил на берег в восьмом часу утра до жары, и к 10 был на корвете. Обедня была в свое время, что очень приятно в этих отдаленных местах и после продолжительного перехода, да и для команды хорошо, придя с моря помолиться и отдохнуть. Здесь на корвете я имел случай каждый вечер играть в шахматы с моим теперешним флаг офицером Эбергардом, хотя он меня и обыгрывает, вопреки субординации, но игра для меня составляет прекрасное развлечение. Днем же читаю Русский Вестник. Пойдя к северу, верно заниматься будет немного легче, хотя солнце идет с нами, и до прихода в Шанхай или Нагасаки большой перемены ожидать нельзя. В Маниле же будет так же жарко, как здесь.

Сегодня понедельник 7/19 марта... поделюсь новостью для меня чрезвычайно приятною — нашли новый прекрасный рейд — завтра же расскажу все подробности, так как с 4 часов утра на ногах в эту жару, немного устал, но по крайней мере не понапрасну.

Вторник 8/20 марта, 23¹/₂°R

...Буду рассказывать обещанный вчерашний день. В воскресенье бык и козы, свезенные на берег, перепугали жителей совершенно, особенно козы, так как они черные. От них жители совершенно разбежались. Свезить их было довольно трудно, так как баркас должен был приставать в бурунах. Но наших храбрых матросиков препятствия редко затрудняют. Как ты думаешь, что они сделали? Перевязали быку ноги, положили, остропили⁵ и на вымбовках⁶ (технические термины спроси у Казнакова) с барказа в бурунах на своих слабеньких плечиках вынесли на берег. Им же пришлось провести и в деревню (дикари боялись приступить), там устроить ограды и объяснить уход за ними. Только что матросы ушли, бык как-то развязался и ушел в лес; и если сам не вернется, то дикари его конечно не поймают.

Залив, в котором мы стояли⁷, имея общий территориальный климат Нов[ой] Гвинеи, был по своим условиям очень влажный и нездоровый. По ночам чрезвычайные ливни весьма часты. При нас дожди были, но не так

⁵ Остропили — в данном случае закрепили тросами быка для переноса его на берег.

⁶ Вымбовка — деревянный рычаг, служащий для вращения шпиля вручную.

⁷ Речь идет о бухте Порт-Константин.

часто, и погода вообще была гораздо лучше обыкновенной. Сильный аромат леса тоже для европейца нехорош, а мы стояли почти вплоть у берега, в помощь якорю закрепившись за деревья. Это заставляло меня бояться за здоровье команды, но благодаря Бога ни один человек не захворал.

Одарив дикарей, так как им конечно во сне не снилось, вчера в понедельник утром снялись с якоря, чтобы идти сделать карты вблизи находящихся неописанных островов⁸, и поискать нет ли тут якорных мест. По дороге зашли по рекомендации Маклая на один остров⁹, чтобы запастись переводчиком для того места¹⁰, куда шли. На выехавших к нам лодках он встретил своего старого знакомого и с его товарищами пересадил к себе в шлюпку и привез на корвет. Когда дикарям пришлось выходить, то они чрезвычайно перетрусили. На каждого из них находил какой-то столбняк или оцепенение. Однако за нами взойшло на корвет и несколько охотников. Но как только дали ход, то они спешили уйти на свои лодки, а непоспевшие стали бросаться с трюма прямо в море. Один даже бросился с юта на полном ходу.

Погода прекрасная и мы скоро подошли к островам¹¹. Нужно входить внутрь. Расстояние между островами большое и очень глубоко. Направляемся в первый пролив, оказывается местами буруны; идем в сторону, риф продолжается от одного острова к другому, проходу нет. Идем дальше в следующий, там кажется чище. Паровой катер идет впереди, показывается по воде белая полоска — опять значит риф, опять в сторону; местами как будто бы чище, направляемся туда. Вдруг с салинга¹² кричат — риф близко. Сверху перемена цвета воды, а в глубину, когда вода прозрачна, лучше видно. Тотчас же затем сбoku риф — под самым носом, пошли назад.

Послал катер посмотреть нет ли прохода, и, покуда он работал, оставались с корветом у входа, продолжали рассматривать ребус. За первым рифом [ксералловый] увидели второй, и в разных местах отдельно разбросанные. Идти внутрь было неудобно, нельзя корвету [идти] туда, где глубины или слишком большие, что нельзя встать на якорь или коралловые рифы, хотя катер и отыскал кой-какой проход. Больше проливов не было, и я думал отойти на ночь в море, и даже стал очень подумывать просто идти дальше ввиду таких представившихся неудобств. Прежде же хотел сделать еще одну попытку, хотя весьма мало обещавшую — пройти к северной оконечности острова и посмотреть тамошний весьма узкий проход. Подойдя, послал катер и по его возвращении узнал, что вход отличный и есть удобные глубины для якоря. Хотевши бросить дело, получил такие известия, я был очень обрадован.

Пройдя на место¹³, я нашел великолепный рейд во всех отношениях, а для здешних местностей просто исключительную редкость... Он во всех отношениях производит наилучшее впечатление, и потому-то его находка составила для меня чрезвычайную радость, о которой вчера я не мог тебе написать, бывши очень взволнован. На этом берегу ни столь закрытого, ни столь здорового, ни столь удобного рейда нет совсем. Да и где угодно в мире, я, по

⁸ Речь идет об Архипелаге Довольных Людей.

⁹ Остров Били-Били.

¹⁰ «Скобелев» шел в бухту Порт-Алексей.

¹¹ К Архипелагу Довольных Людей.

¹² С а л и н г — рама, состоящая из продольных и поперечных брусев, расположенная высоко на мачте.

¹³ Зашли в бухту Порт-Алексей.

крайней мере, таких до сих пор не могу припомнить. Конечно, я хвалю это место покуда команда здорова (больных нет ни одного), чуть же начнут болеть, то я заговорю другое. Действительно же жары здесь умеренные, редко доходят до 24°R, при бризах это не тягостно. Ночи и утра до 20°, что нам кажется больше чем прохладно — свежо, а потому — приятно. Дожди не часты. Рейд, хорошо закрытый в морском отношении невысокими островами, достаточно открыт для всех бризов, к материку не близок, а воздух, обратно первому посещенному здесь порту, кажется здоровым и приятным. Не знаю, как он оправдает мои первые впечатления в будущем. Мне покуда теперь кажется, что местность большого значения dans l'avenir¹⁴. Тут собственно не один рейд, а несколько, и один другого лучше.

Растительность разнообразнее и гуще трудно себе представить. Лианы заткали совершенно все промежутки между деревьями, и вся зелень на огромную высоту представляет один сплошной роскошный ковер. Ветки громадных деревьев так далеко и плотно выходят на воду, что теперь при съемке, хотя необходимо, но люди не могут пробраться на берег... Сегодня утром я катался посреди всех этих прелестей. Множество островков, как роскошные жардиньерки¹⁵, разбросаны в разных местах. Прекрасные реки с растительностью столь роскошною, что плывешь в ней как в громадной арке; только на небольшое расстояние посередине ветви не сходятся.

Леса здесь совершенно удивительные, никто из европейцев здесь еще не был, да и дикий здесь очень мало. Много можно извлечь пользы человеку из роскошнейшей природы в мире. Офицеры, делающие съемку только и докладывают о рейдах, один другого лучше; и все в восторге от местности. Только бы заболевания не расстроили все наши увлечения. Витязь в 1872 г. за неделю стоянки получил 75 человек лихорадочных, а Изумруд за три дня — 60 человек. Сколько будет у нас? ¹⁶. Молодежь на корвете чрезвычайно милая, и надобно видеть с каким увлечением они теперь работают при съемке, просто не оторвать. Они производят наилучшее впечатление покуда. Солнце, чтобы нас не восстанавливать против себя показывается нам с дымкой в облаках, дождя нет, но солнце мы видим только среди дня, и тенты стоят только от 10 часов утра до 4-х часов, что редкость для стран, где солнце в зените.

ЦГАВМФ, ф. 12, оп. 2, № 23, л. 28—29, 41, 42, 44, 45.

Литература

1. Архив Академии наук СССР. Ленинградское отделение.
2. Архив Географического общества СССР.
3. Центральный государственный архив военно-морского флота СССР (ЦГАВМФ).
4. Центральный государственный исторический архив г. Москвы.
5. Адрес студентов физико-математического факультета С.-Петербургского университета Н. Н. Миклухо-Маклаю. — «Голос», 10.X.1882.

¹⁴ Dans l'avenir (франц.) — в будущем.

¹⁵ Ж а р д и н ь е р к и (франц. jardinier) — корзины с цветами.

¹⁶ Больных на «Скобелеве» после окончания плавания на Берег Маклая не было.

6. Асланбегов А. Б. Первое путешествие Н. Н. Миклухо-Маклая в Новую Гвинею.— «Новости и биржевая газета», 13.VI.1886.
7. Бриллиант В. А. Картографическая история открытия Новой Гвинеи.— «Известия Государственного географического общества». Л., 1939, т. 71, вып. 1—2.
8. Вальская Б. А. Письма Н. Н. Миклухо-Маклая, направленные против захвата Германией Берега Маклая.— «Известия Всесоюзного географического общества». Л., 1946, т. 78, вып. 5—6.
9. Вальская Б. А. Борьба Н. Н. Миклухо-Маклая за права папуасов Берега Маклая.— «Страны и народы Востока». Вып. I. М., 1959.
10. Вальская Б. А. Проект Н. Н. Миклухо-Маклая о создании на островах Тихого океана русской вольной колонии.— Австралия и Океания. М., 1970.
11. Вальская Б. А. Неопубликованные материалы о подготовке экспедиции Н. Н. Миклухо-Маклая на Новую Гвинею в 1871 г. и о плавании корвета «Скобелев» к этому острову в 1883 г.— «Страны и народы Востока». Вып. XIII. М., 1972.
12. Гурецкий В. О. Русские географические названия в Новой Гвинее.— «Известия Академии наук СССР». Серия географическая, 1969, № 3.
13. И. Р. Н. Н. Миклухо-Маклай.— «Новости и биржевая газета», 29.IX.1882.
14. Копытов Н. В. Мысли о упрочении европейского мира. СПб., 1900.
15. Миклухо-Маклай Д. С. Письма Н. Н. Миклухо-Маклая в защиту туземцев.— «Известия Государственного географического общества». 1939, т. 71, вып. 1—2.
16. Миклухо-Маклай Н. Н. Берег Маклая в Новой Гвинее и протекторат.— «Новости и биржевая газета», 22.V.1884.
17. Миклухо-Маклай Н. Н. Новая Каледония и острова Лифу.— Собрание сочинений. Т. II. М.— Л., 1950.
18. Миклухо-Маклай Н. Н. Путешествие по Западной Микронезии и на Берег Маклая.— Собрание сочинений. Т. II. М.— Л., 1950.
19. Миклухо-Маклай Н. Н. Путешествия на острова Меланезии и четвертое посещение Новой Гвинеи.— Собрание сочинений. Т. II. М.— Л., 1950.
20. Миклухо-Маклай Н. Н. Сообщение о путешествиях Русскому географическому обществу в 1882 г.— Собрание сочинений. Т. II. М.— Л., 1950.
21. Миклухо-Маклай Н. Н. Третье посещение Берега Маклая (1883).— Собрание сочинений. Т. II. М.— Л., 1950.
22. Миклухо-Маклай Н. Н. Этнологические вопросы на Малайском полуострове.— Собрание сочинений. Т. II. М.— Л., 1950.
23. Миклухо-Маклай Н. Н. Архипелаг Пелау.— Собрание сочинений. Т. III. ч. I. М.— Л., 1951.
24. Миклухо-Маклай Н. Н. Заметка о климате Берега Маклая на Новой Гвинее.— Собрание сочинений. Т. III. Ч. I. М.— Л., 1952.
25. Миклухо-Маклай Н. Н. Метеорологические заметки с Берега Маклая на Новой Гвинее.— Собрание сочинений. Т. III. Ч. I. М.— Л., 1952.
26. Миклухо-Маклай Н. Н. Выступление по докладу О. Финша о гонимости на Новой Гвинее на заседании Берлинского общества антропологии, этнологии и доистории 16 декабря 1882 г.— Собрание сочинений. Т. IV. М.— Л., 1953.
27. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо Артуру Гордону 23 января 1879 г.— Собрание сочинений. Т. IV. М.— Л., 1953.
28. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо Гордону 13 апреля 1881 г.— Собрание сочинений. Т. IV. М.— Л., 1953.
29. Миклухо-Маклай Н. Н. Письма Вильяму Гладстону 20 июня 1886 г.— Собрание сочинений. Т. IV. М.— Л., 1953.
30. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо Н. К. Гирсу 9 августа 1886 г.— Собрание сочинений. Т. IV. М.— Л., 1953.
31. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо доктору И. К. Блунчли 11 июня 1881 г.— Собрание сочинений. Т. IV. М.— Л., 1953.

32. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо коммодору Австралийской морской станции 8 апреля 1881 г.— Собрание сочинений. Т. IV. М.— Л., 1953.
33. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо коммодору морской станции в Китае. 29 апреля 1883 г.— Собрание сочинений. Т. IV. М.— Л., 1953.
34. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо контр-адмиралу Н. В. Копытову 15/27 февраля 1883 г.— Собрание сочинений. Т. IV. М.— Л., 1953.
35. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо контр-адмиралу Н. В. Копытову 6/18 марта 1883 г.— Собрание сочинений. Т. IV. М.— Л., 1953.
36. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо М. Н. Миклухо-Маклаю 24 января 1883 г.— Собрание сочинений. Т. IV. М.— Л., 1953.
37. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо М. Н. Миклухо-Маклаю 4/16 апреля 1883 г.— Собрание сочинений. Т. IV. М.— Л., 1953.
38. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо профессору В. Бурху 23 марта 1887 г.— Собрание сочинений. Т. IV. М.— Л., 1953.
39. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо П. П. Семенову 13 февраля 1879 г.— Собрание сочинений. Т. IV. М.— Л., 1953.
40. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо П. П. Сорокоумовскому 14 мая 1883 г.— Собрание сочинений. Т. IV. М.— Л., 1953.
41. Модестов В. И. Памяти Н. Н. Миклухо-Маклая.— «Новости и биржевая газета», 12.IV.1888.
42. Передовая статья о Н. Н. Миклухо-Маклае.— «Новое время», 7.I.1884.
43. План западного берега бухты Астролябии на северном берегу Новой Гвинеи. По описи офицеров корвета «Витязь» под командою кап. 2 ранга Назимова в 1871 г. и офицеров «корвета „Скобелев“» под командой кап. 2 ранга Благодарева в 1883 г. Издан Гидрографическим департаментом Морского министерства в 1885 г. [СПб.].
44. План порта Великий князь Алексей в бухте Астролябия. По описи, произведенной офицерами корвета «Скобелев» в 1883 г. Издан Гидрографическим департаментом Морского министерства в 1885 г. [СПб.].
45. «Русский инвалид».
46. Тургенев И. С. Письмо П. Л. Лаврову 27 декабря 1882 г.— Полное собрание сочинений и писем. Т. XIII. Письма. Кн. 2. Л., 1968.
47. Greenop F. Why Travels Alone. Sudney, 1944.
48. Thomassen E. S. Biographical Sketch of Nicholas de Miklouho-Mac-lay, the Explorer. Brisbane, 1882.